

ЗАМЕТКИ О ПСИХОЛОГИИ

P. J.

* * *

Есть человеческая психология — и психология единичного человека. Две стороны одного целого, обе необходимы — но различны. Нельзя сводить общепсихологическое знание к умению описывать частные случаи — это не набор отмычек к человеческой душе, а самостоятельная наука. Точно так же, недопустимо возведение отдельных технических приемов в ранг фундаментальных психологических принципов.

Разумеется, общая и прикладная психология взаимосвязаны — это два уровня одной иерархии. Но сводить дело к «применению» общих положений или к «подтверждению» их частными открытиями — неправильная постановка вопроса. Скорее, общее знание о человеке есть язык, на котором можно говорить о людях, — а прикладная психология аналогична живой речи. Об одном и том же можно говорить на разных языках — а в речи возможно смешение разных языковых влияний. Есть общие грамматические рамки — и не вписывающиеся ни в какую норму речевые мимолетности. Одно без другого — пустая абстракция.

* * *

Психолог отличается от психотерапевта, как физик от инженера. Для психолога важно понять, как и почему возникает то или иное поведение. Психотерапевту надо сформировать поведение по заданным параметрам.

* * *

А что если все многообразие психической активности человека и в самом деле сводится к свободному ассоциированию? Но что такое — свобода?

* * *

Эгоизм, альтруизм... Единство формы и содержания.

* * *

Наиболее ценны проективные тесты, где многое зависит от личности экспериментатора. Здесь важно отношение экспериментатора к испытуемому, и чем более оно нейтрально — тем скупее и банальнее получаемая информация.

* * *

Два крайних типа устойчивости: абсолютная самостоятельность — и полное доминирование.

* * *

Грудного младенца успокаивает запись его собственного плача. Может быть, ему просто не хватает общения? А колыбельная матери всего-навсего имитирует понятные ребенку звуки...

* * *

Всегда полезно помнить, на каком уровне находишься. Либо изучение поведения и его механизмов — либо привязка этих механизмов к физиологии. Разные категории, разные методы — все разное.

* * *

Психотерапевты (а тем более психиатры) относятся к пациенту как к объекту. Они лечат его, вместо того, чтобы с ним общаться. Но человеческие проблемы — это прежде всего проблемы общения. Поэтому вылечить человека ни психотерапевт, ни психиатр не могут. Все, на что они способны, — временно снять напряжение, дать шанс.

* * *

Бывает: повадки кошачьи при собачьем характере, или собачьи манеры при кошке внутри. Одно дело — индивид (способ действия, мышления, логика поступков), другое — личность (отношение к себе и другим, к миру вокруг и внутри).

* * *

Нет безграничных людей — все люди ограничены. Некоторые, правда, могут охватывать, полностью включать в себя границы других. Если чьи-то границы лишь частично вписываются в ограниченность группы — человек со странностями, чужак. Тот же, кто оказался за пределами такого «сообщества», — обречен быть светским пугалом и предметом для битвы.

* * *

Для осмысления системы психологии необходимо построение иерархии целей. Взглянуть на все сверху. Терминальные образования — методики и рекомендации.

* * *

Живое существо — и особенно человек — реагирует не на стимул, а на ситуацию в целом, включая как внешние обстоятельства, так и внутренние процессы в организме. Ситуация иерархична, и может представляться различными иерархическими структурами; нечто, называемое стимулом, есть только вершина иерархии, ее «обозначение». Человек осознает именно то, что находится на вершине иерархии, — но он также способен разворачивать структуры и вытаскивать на вершину что-то другое. И по-разному объяснять свое поведение. Отсюда и разного рода иллюзии, и различия в понимании ситуации разными людьми, или даже тем же человеком в разное время.

* * *

Проникновение во внутренний мир другого — воссоздание его в себе. Некоторая внутренняя деятельность, вызванная общением с другим; далеко не всегда она действительно воспроизводит что-то присущее другому человеку, однако в любом случае дает какое-то о нем представление. Лишь при долгом знакомстве, в интенсивном и разнообразном общении, поверхностные представления складываются в целостный образ другого.

* * *

Для психологии самое существенное — когда человек начинает действовать. Не обязательно внешним образом, и не всегда осознанно. Просто ситуация не позволяет долее оставаться в

неопределенности, требует проявить себя.

Конечно, пока человек не умер, он действует всегда, так или иначе. Речь идет не о действии вообще, а об ответном действии, о реакции на внешние воздействия — о поведении. Так, упругая мембрана сначала прогибается под тяжестью брошенного на нее тела — но, дойдя до некоторого предела, начинает распрямляться, отбрасывая это тело назад. Даже свет отражается от зеркала не мгновенно: фотон должен сначала поглотиться, возбудить ансамбль электронов вблизи поверхности твердого тела — и спустя некоторое время излучиться в обратном направлении. Именно этот переходный процесс, связующее звено между воздействием на человека и ответом на это воздействие — предмет психологии.

* * *

Для возникновения сознания необходима достаточно разнообразная среда — поэтому зарождается оно именно у сухопутных животных. Выход жизни на сушу — первый шаг к сознанию.

* * *

Человек психологически отличается от животного тем, что его реакции всегда общественно обусловлены. Иными словами, он действует не сам по себе: осознанно или нет, но человек сначала относит себя к некоторой группе людей — и поступает в соответствии со своими представлениями о том, как должны вести себя члены этой группы, отождествляемые в данном случае с «человеком как таковым». Образно выражаясь, можно сказать, что человек ничего не делает, не посоветовавшись с другими, — хотя это общение может быть «снято», спрятано внутри.

Реакции человека определены его собственными представлениями лишь поскольку эти представления даны ему обществом, предписаны как общезначимые нормы — которые можно либо соблюдать, либо нарушать.

* * *

Фантазия и воображение — противоположности. По аналогии (и, возможно, в связи) с противоположностью целей и средств.

* * *

Теория личных конструктов (personal constructs) и основанная на ней техника репертуарных решеток (repertory grids) — еще один пример перехода к компьютерной парадигме при описании человека. Решетка, в которой столбцы представляют некоторые отношения (конструкты), а строки задают элементы (роли) — подобна нормализованному отношению в реляционной базе данных, так что все операции реляционной алгебры имеют «решеточные» аналогии. Но уподобление человека реляционной базе данных — лишь одна из возможных психологических моделей, со своими достоинствами и ограничениями.

Хотя последователи Келли всячески подчеркивают отличие метода решеток от традиционных опросников, особых различий тут нет. Можно рассматривать обычный опросник как репертуарную решетку с элементами-вопросами и «абстрактными» конструктами ответов: «да», «нет», «не уверен» и др. Методы обработки решеток вполне вписываются в традиции факторного анализа: либо изучение внутренних связей для каждого испытуемого — либо сопоставление с усредненной по некоторой группе «нормой». В последнем случае возможны любые вариации: повторный опрос испытуемого для изучения личностной динамики; сравнение предполагаемых и действительных ответов для оценки качества представления о человеке; сопоставление позиций в общении; исследование совместимости с группой.

Соотношение «внешней» и «внутренней» статистики похоже на соотношение классической статистической физики и квантовой статистики. В одном случае — ансамбль частиц, где статистика возникает при усреднении по ансамблю; другая возможность — вероятностное описание одной частицы. Однако следует помнить, что «внутренняя» статистичность — это всегда выражение включенности во внешний ансамбль. И наоборот.

* * *

Когда связи между «конструктами» выявляются какой-либо статистикой на решетках (или в других тестовых ситуациях) — учитывается только синкретический уровень психики, на котором отношение к миру складывается неосознанно и не представлено в понятиях. Там же, где человек сознательно вырабатывает свои убеждения (то есть, где он ведет себя по-человечески) — статистика зачастую лишь вводит в заблуждение, создает видимость науки, подменяя серьезное исследование общественного человека арифметическими манипуляциями.

Случайная величина может быть распределена как угодно. Как различить, свидетельствует ли значительное отклонение от априорно предполагаемого распределения о неслучайности поведения — или оно лишь говорит об ошибке в предположениях?

Даже если испытуемый не знаком с предложенным ему тестовым материалом, он все равно реагирует отнюдь не случайным образом. Просто ему приходится выделять значимые признаки «по дороге» — и они, скорее всего, будут относиться к форме теста. Примесь подобного «формализма» есть практически всегда — можно ли как-то отделить ее от содержательной стороны?

* * *

Человек — существо многоуровневое. И психология человека имеет дело со всеми его уровнями, от первобытных рефлексов до творческого порыва и вдохновенного труда. Противопоставление «психологии черт» и «личностной динамики» — искусственно и нелепо. Устойчивое на одном уровне — подвижно на другом. Неизменное в одном отношении — переменчиво где-то в другом. Соответственно, требуются различные способы описания одного и того же, в зависимости от уровня рассмотрения. Например, можно считать, что личность характеризуется набором личностных черт, организованных в устойчивую целостность. С другой стороны, можно заметить, что эти черты по-разному проявляются в разных условиях, — и рассматривать обращения иерархии. Наконец, можно говорить о личностном росте, об изменении самой иерархии личностных черт (включая изменения самого набора возможных характеристик). Другой пример — иерархичность общественного положения человека, во многом определяющая его психологию.

* * *

Характер как тип отношений личности с обществом. Полярность «хороший»–«плохой» и относительна, и постоянна. Для общества в целом (и для отдельной группы) нужны личности, нарушающие спокойствие — без этого нет развития. С другой стороны, «хорошие» поддерживают необходимый уровень стабильности — без этого развиваться просто нечему.

* * *

Связь индивидуальных «конструктов» человека сама по себе не представляет никакого интереса — точно так же, как и «измерение» какой-либо психологической характеристики. И то, и другое — лишь способы оценки ситуации, помогающие выбрать правильную линию поведения. Так, визит пациента к психотерапевту предполагает не абстрактные игры с психометрией, а вполне определенные действия психотерапевта, благотворное влияние на психику пациента — что невозможно вне собственных «конструктов» психотерапевта, без

«вписывания» пациента в них. Для терапии, следовательно, важны не столько личные представления пациента, сколько представление терапевта о нем. Внушительный набор тестов может играть роль плацебо, либо настраивать какие-то категории пациентов на приятие других, более тонких воздействий.

* * *

Бывает, что искусная имитация деятельности становится настоящей деятельностью. Изображение превращается в предмет.

* * *

Настоящая иерархичность предполагает динамическое лидерство: выбор лидера, его *проявление* в зависимости от задач группы как целого. Нельзя грубо противопоставлять формальное и неформальное лидерство.

* * *

Старинные снадобья, магические ритуалы и разного рода верования зачастую помогают современному человеку только потому, что они возвращают его фрустрированное сознание к относительно спокойному психическому укладу далекой древности.

* * *

Умственная неповоротливость как механизм несовместимости.

* * *

Не бывает человека вообще. Есть «мы» — и «они». Нет ничего общечеловеческого. Есть «наше» — и «не наше». Только представители одной группы могут понять друг друга.

Однако нет двух людей, которые бы принадлежали к одинаковым группам на всех уровнях. Отсюда — столкновение, развитие...

* * *

Итак, снова «разумный эгоизм». Разумеется, использование какой бы то ни было апелляции к разуму здесь весьма условно. Ибо мотивация лишь в малой своей части рациональна либо чувственна. Как айсберг: главное в глубине. Но материал один — и законы одни. Законная гипотеза: глобальным мотивом всей человеческой деятельности, на любом уровне, в любую эпоху является эгоцентризм — как противопоставление себя (личностного «я») всем остальным людям (общественное «я»). Жизнь человека тогда представляется бесконечной цепью отчаянных порывов самоутверждения. А человек, слившийся с массой, потерявший чувство себя, — перестает существовать в личностном и общественном плане. Несущественно, существует ли одушевленный предмет с его именем и фамилией, и совокупностью внешних примет. В сознании окружающих его нет. Как и не было.

В прагматическом плане эгоизм удобен — как средство интерпретации жизненного опыта, классификации мотивов, предсказания поведения или позиций. Небольшая доля цинизма помогает не терять головы там, где ее терять не следует, — то есть, невыгодно. В любом случае откровенный эгоцентризм гораздо благороднее скрытой подлости либо бесшабашного идиотизма. Меньше лжи, фальши, лести — хоть чуточку выше пресмыкающихся в иерархии живого. Когда нет других достоинств — и это неплохо.

Мотивация бесконечно разнообразна. Однако всегда, на каждом уровне, есть главные —

доминантные мотивы, определяющие общую линию поведения (можно сказать: судьбу). Зная доминантные мотивы, можно предсказывать развитие человеческих отношений. Особенно это касается такой характеристики как общая идеальность мотивации — мера обращенности действия вовне. Однонаправленности, конечно, не бывает, но тенденции есть практически всегда. При высокой идеальности человек не производит впечатления эгоиста, хотя по сути его поведение столь же эгоцентрично, как у персонажей с идеальностью вблизи нуля.

* * *

Усреднение в психологии часто приводит к искажению наблюдаемой картины. Человек интересен как раз своей противоречивостью, внутренней напряженностью. Это источник его деятельности. А усредненный человек — труп.

* * *

Различие души и ума:

- дети: нет ума, но есть душа
- ума может не быть и у взрослых
- душа есть, но может быть больной
- ум — продукт памяти, душа — продукт жизни
- ум вторичен по отношению к душе
- животное тоже одушевленно
- разум — достояние ума, выше простой одушевленности
- один лишь ум не в состоянии вместить разум

* * *

Дух выражает себя в человеческом теле — а не наоборот, не тело определяет движения души.

* * *

Предполагается, что психология изучает человеческое поведение с целью дать людям эффективные инструменты для самоконтроля и саморазвития, а не как средство манипуляции. Как и в любой другой науке, элитарность тут губительна. Вероятно, всегда лучше знать, чем не знать. Хорошо бы только, чтобы это не превращалось в пошлую популяризм, в развлечение «для домохозяек».

* * *

Отражение объекта в субъекте (*S*) *представляет* в его сознании этот объект, тогда как сам субъект своему сознанию представлен своими поступками, способами действия (*R*). Связь между объектом и субъектом уходит в план бессознательного — и представляет в человеке *другого* человека, внешним (надсознание, *I*) или внутренним (подсознание, *C*) образом.

* * *

Еще к «теории эгоизма» — эгоистические мотивы:

1. избавление от созерцания страданий (физических или душевных);
2. наслаждение зрелищем благодарности (себе или другому);
3. изъятие своей силы — представления о выгодах, с нею связанных;
4. идея счастья → идея благотворительности (покупка удовольствия).

* * *

В. Давыдов о том, как ребенок становится личностью.

Великолепное выражение конкретно-исторического в категории «детство», формулировка принципов его периодизации, обоснование роли воспитания как «формы организации» психического развития ребенка... И рядом — грубый ляпсус (т. е. ляпсус в квадрате). Выделяется игра как «ведущая деятельность». Это все равно, что объявить возведение лесов ведущей деятельностью строителя. Рецидив банального непонимания конкретно-исторических функций игры — и связи ее с любой другой тренировкой. Вся наша жизнь — игра. И было бы странно (хотя и абсолютно правильно) сказать, что «ведущей деятельностью» на всем протяжении жизни человека является сама жизнь. Однако нужна периодизация самой игры по *уровням* воспроизведения навыков.

* * *

В чем смысл психотерапии? В компенсации реально существующих в обществе перекосов общественного устройства, когда человек не может получить тот минимум общения, который необходим ему для психологической самореализации. Хороший психотерапевт не терзает пациента глупыми упражнениями, а организует ему в «лабораторных» условиях ту среду, которой ему не хватает в жизни. Если болезнь не зашла слишком далеко, такая психическая разгрузка дает возможность накопить силы для нового этапа жизни. Это подобно тому, как мышечное расслабление необходимо для поддержания тонуса и освоения новых движений.

* * *

Как все просто! Оказывается, существует только одна первичная, базовая потребность — потребность в развитии. Все остальное — формы ее проявления в конкретных физических и исторических условиях. И не только для человека — для любого разума, включая будущие «разумные машины».

Но всякое развитие есть единство преобразования и сохранения, как любое движение — единство изменения и постоянства. Отсюда всеобщее внутреннее строение любой потребности, и всеобщая классификация потребностей.

Развитие есть преобразование, но сохраняющее «самость», бытие объекта. И оно же выступает как способ сохранения объекта, сохранения через динамику, через модификацию, через игру деталями ради главного. Появляется понимание сохранения как единства преобразования и развития. С другой стороны, преобразование предполагает и развитие, и сохранение: объект образуется заново, но это все тот же объект.

Так и с человеком. Нельзя глупо спорить о том, каков список его первичных потребностей, нельзя сводить их к четырем «базовым»: защита, еда, сон, секс... Наоборот, надо принять всю бесконечность человеческих потребностей — и в каждой из них увидеть историю ее обособления, вычленения из главной и определяющей потребности в развитии. Это объективный процесс становления человека — и круг потребностей его есть другое выражение его общественной природы.

* * *

Одна и та же фраза в разных контекстах выражает разные мысли. Это напрямую отражает различие в смыслах действия в контексте различных деятельностей.

* * *

Сознание в узком смысле (awareness) + бессознательное = сознание как таковое.

* * *

Перенос общественных отношений на семью (Фрейд) связан с мышлением в комплексах (Выготский). Извращение — недоразвитость мышления, неумение преодолеть этот уровень.

* * *

Как индивид — человек неотделим от деятельности. Как личность — он противостоит ей, выбор превращает действие в поступок. Когда же человек подчиняет выбор интересам общества — он становится по-настоящему разумным.

* * *

Если кого-то понимают неправильно — то сначала, все-таки, понимают, а уже потом — неправильно.

* * *

У одного, отдельно взятого человека не может быть психики. Есть физиология высшей нервной деятельности. Психикой это становится только по отношению к другим.

* * *

Разные значения слова «психология»: наука о поведении, принцип строения внутреннего мира субъекта (внимание! это совсем не то же самое, что «психика»), умение общаться с людьми (понимание и побуждение). Объект, субъект, продукт...

* * *

Последовательность действия не обязательно говорит о последовательности мышления. Мысль включена в действие — и предполагает действие. Но это разные уровни, разные стороны одного и того же. Например, поведение может быть намеренно непоследовательным — как одно из выражений внутренней целостности и определенности. Точно так же, хаос в голове часто проявляется как упорство и настойчивость, и даже упрямство...

В живом поведении фокус действия все время смещается: он то вне человека, то внутри. На вершине иерархии — отчетливость выбора, на нижних уровнях — богатство возможностей. Если совсем все встало на свои места — это смерть. Роботы, зомби.

* * *

Источник недопонимания и ошибок — эгоцентризм. Подобно антропоцентризму в физике. Человек полагает, что он знает себя, — и приписывает другим свою точку зрения. Здесь двойное заблуждение: во-первых, понять себя можно только через других, осознание — это еще не сознание; во-вторых, позиция у каждого своя, и заранее предполагать общность означало бы отказаться от общения (которое, собственно, эту общность и устанавливает).

Парадоксально, попытка отказаться от предложенной роли — лишь способ ее принять. Вступая в спор, вы уже допускаете исходные посылки собеседника — пусть даже временно, с целью демонстрации их абсурдности. Именно поэтому истина не может родиться в споре — она рождается только в действии. Единственная возможность остаться собой в глазах партнера — остаться собой, игнорировать его, действовать по-своему. Не возражать, а просто пройти мимо: мне-то какое дело? Да, поначалу это будет похоже на разговор глухих. Но без такой «упертой» самодостаточности нет объективного основания для внутреннего роста. Так и в физике: мир постоянно отказывается вести себя так, как ему предписано, — и это движет науку.

* * *

Сознание существует только по отношению к действию. Нет действия — нет и сознания. А также подсознания или надсознания.

Однако действие в психологическом смысле — вовсе не предполагает видимых проявлений; оно если и сопровождается мышечным движением — то лишь вторичным образом, как одна из возможных реализаций. Знаменитый сеченовский афоризм признает за мышечным движением лишь роль «окончательного фактора» — способа коммуникации, но не его содержания. В наше время уже можно допустить иные способы коммуникации (например, прямой контакт одного мозга с другим через вживленные электроды — или общение компьютеров по сети). Безусловно, это не может не отразиться и на образе действия. Но суть действия — социальна. Это ближе к правовой категории «деяние» («действие или бездействие»). Отказ от действия — тоже действие. Иной раз это намного эффективнее любых телодвижений.

В скобках: одна из техник айкидо широко использует уход от контакта для перенаправления энергии атаки против атакующего.

Разумеется, задача психолога этим не облегчается. Выходит, определяющая черта действия — это сознательность, а сознание, в свою очередь, определено только через действие... Замкнутый круг — для тех, кто не умеет вырваться из плена примитивной рациональности, использует логику без должного осознания, не как сознательный выбор.

Сознание человека столь же иерархично, как и его действия. Осознание лишь представляет самому человеку его место в иерархии культуры в целом, выхватывая то один момент, то другой. Точно так же, как мир в целом дан человеку как всеобщий объект, природа, — но этим не исчерпывается его самодвижение.

* * *

Эмоция как аффект — и эмоция как сознательное действие. Любовь как влечение — и как нравственная категория. Гениальность как болезнь — и долг.

Когнитивное помешательство: познание — высшая ценность. Но человек приходит в мир не только для того, чтобы познавать. Его дело — не познать, а освоить. В том числе и душевно. Душевность — необходимая часть духовности. Тупая, рациональная наука — бездуховна, бесконечно холодна. А человек — чтобы согреть Вселенную.

* * *

Не бывает абсолютной осознанности, нельзя быть сознательным «в полной мере». Человек появляется как конечное существо, и значительная часть его деяний — но инерции, по природе. Лишь в каких-то отношениях это природное нечто проявляет себя всеобщим образом, как дух.

* * *

Сознание — не только атрибут разума. Это еще и процесс. В том числе психологический.

Поскольку сознание привязано к действию (как иерархии операций и этапу деятельности), психологически сознание ограничено во времени. Процесс начинается с началом действия — и заканчивается с его концом. Но «заканчивается» — не значит «завершается». Иногда действие уходит быстрее, чем требуется для становления сознания — и такое действие лишь отчасти сознательно. Что-то так и остается незавершенным. Что-то всплывает в завершенность намного позже — как память, как совесть, как боль...

В каком-то смысле это тоже необходимо человеку — по крайней мере, чтобы осознать собственное несовершенство, и тем самым приблизиться к совершенству.

* * *

Психология никоим образом не психотерапия — и даже где-то совсем наоборот. Задача психологии — открыть людям глаза на их (человеческое) поведение, предупредить — там, где поведение становится не совсем человеческим, — и подсказать, где искать настоящее общение. Но ни в коем случае не направлять, не предписывать, не вести. Напротив, терапия (лечение, коррекция, тренинг) — предположительно полезный обществу способ манипуляции, при котором человек перестает быть самим собой ради чего-то большого и светлого... Например, чтобы построить базу на Марсе — или научиться спать без кошмаров.

Во многих случаях (но далеко не всегда) терапия использует достижения психологии — в корыстно-практических целях. Может сложиться впечатление, что психологическая наука носит абстрактно-вспомогательный характер, как основа для практических применений. Но в человеческой культуре так не бывает, там все взаимосвязано. В каком-то аспекте психотерапия оказывается частью психологии — наряду с бизнес-манипуляцией, промыванием мозгов или техникой пикапа. Все, что мы делаем по жизни — прикладная психология. Так откуда бы психология добывала свои премудрости?

Если серьезно, нам приходится учиться управлять другими, чтобы научиться управлять собой. Одни убивают других, чтобы кто-то из оставшихся отказался убивать. Это жестоко — но другой дороги к светлому будущему пока не изобрели.

* * *

На низшем уровне иерархии разума — процесс осознания. В психологии — внимание, концентрация, восприятие (как противоположность ощущению). Здесь человек как бы смотрит на себя со стороны, как на явление природы — и сам себе удивляется... Отсюда старики-гомункулы. Но человек не останавливается на достигнутом и переходит от осознания к сознанию, к общественно-опосредованному осознанию, к сознательному управлению собственным осознанием.

Осознание, конечно же, далеко не всегда связано с восприятием собственных движений, или состояний организма. Осознавать можно и тонкие движения души, и общественную атмосферу, и тенденции развития чего угодно... Но осознание в целом — лишь предварительная ступень, переход к сознанию. Мало просто осознать что-либо — надо еще осознать, почему действие таково, что его вызвало и какие могут быть варианты. Если вариантов нет — пожалуйте в животный мир. Если есть — можете переходить к уровню собственно сознательности, единству осознания и сознания. Здесь вы поймете ваше место в иерархии культуры в целом — что-то вроде осознания смысла жизни.

Заметим, что все это пока на уровне сознания — хотя и с намеками на самосознание и разум (которые, разумеется, без сознания не бывают — хотя и не сводятся к нему). Всеобщая формула деятельности (объект → субъект → продукт) превращается в иерархию сознания:

- объективное сознание: организация индивида и общества — включая (нейро)физиологию и экономику;
- субъективное сознание: мотивы, цели, намерения, эмоции...
- продуктивное сознание: зачем все это нужно, какова иерархия деятельностей? — вплоть до конечной цели, преобразования Вселенной.

* * *

Внимание психологов к измененным состояниям сознания вполне оправданно и понятно. Наука любит крайности, когда объект как бы выворачивает наизнанку — и его внутренности доступны для пристального обозрения и надлежащей инвентаризации. Природа в таких

ситуациях сама от себя абстрагируется — и человеку остается только учиться у старших товарищей... Однако при слишком длительном общении с психологическими извращениями есть опасность забыть о главном. В конечном счете, наша задача — понять обычного человека в нормальном состоянии, не забывая о многочисленных гранях этой нормальности. Наука описывает абстрактных людей для того, чтобы дать нам опору в общении с людьми живыми и конкретными. Поэтому в каждой крайности следует усматривать собственно человеческие черты — идти не от болезни, а от душевной полноты.

* * *

Одна из самых страшных душевных болезней — потребительство. Современное общество так воспитывает людей, чтобы понизить уровень мотивации до простой реактивности, вынудить человека вести себя подобно животному. Вместо осмысленных решений — куда-то бежать, чего-то добиваться, от чего-то избавляться и спасаться... В результате даже на нейтральные ситуации человек воспринимает как сигнал к действию и начинает реагировать, даже не пытаясь понять, нужно ли это. Это очень удобно для манипуляторов: дали кому-то очередную игрушку — и те мусолят ее до одури, забывая о гораздо более важных делах — которыми займутся другие, к своей выгоде. А как начнет забава приедаться — изобретем еще что-нибудь. Главное — поддерживать в массе психологическую неустойчивость, чтобы за подталкиваниями извне не успевали пожелать чего-то самостоятельно, а уж тем более — добиваться этого. Тут кстати и психотерапевты: когда что-то не так, есть кому подсказать — опять же, со стороны.

* * *

Яркие личности становятся таковыми в силу своей однобокости и неполноценности. Какая-то одна черточка выпирает из целого, бросается в глаза.

Гармонично развитая личность не блестит. Но если в нынешнем уродливом мире и появляется что-то гармоничное, эта игра случая воспринимается на фоне всеобщей дисгармонии как странность, ненормальность, неудобство — и даже вызов обществу, посягательство на устои. Эдакая яркость наоборот. Так мы саму гармонию умеем превратить в род неполноценности — и восстановить поколебленный было душевный комфорт.

* * *

Во Франции генералов, когда-либо участвовавших в проигранном сражении, уже не допускали на командные должности — считалось, что неистребимая память о поражении влияет на их решительность, способность оперативно принимать важные решения. В России традиционно придерживались противоположного правила: за одного битого двух небитых дают. Кто прав? С одной стороны, мы знаем, чем кончила армия Наполеона; вроде бы, российский принцип на высоте. С другой стороны, каждая победа в России почему-то оборачивалась историческим поражением...

Вполне, впрочем, возможно, что французский принцип правилен для психологии французов, а российский — для русской ментальности. Никакое правило не может быть применимо ко всем людям вообще, хотя бы даже в силу того, что личностями они становятся, лишь преодолевая безликий индивидуализм.

* * *

Трансерфинг — проповедь иллюзорности внешнего мира. Человек учится заменять реальную жизнь вымыслами и фантазиями. Уход от действительности. И действительность тогда уходит от человека — это называется смерть.

Да, действительность — это страшно. Но на то и разум, чтобы стать выше страха.

* * *

Две линии в психологии и философии личности: «латинская» и «византийская». Обе идут от актерства, от театра. Личность — сценический персонаж, то, чем человек *является* (то есть, предстает перед кем-то, или в отношении чего-то). Но в латинском понимании человек выходит на сцену и говорит (*per-sonare* = озвучивать), тогда как по-гречески актер есть то, чем он кажется, как он выглядит в глазах других (*pros-opon* = перед глазами, для глаза).

Соответственно противоположности звука и зрения — противопоставление активности и пассивности, последовательности и simultанности, частичности и целостности, развития и завершенности... Исторически сложившиеся культурные типы европейского запада и востока проявляются буквально во всем. И прежде всего в отношении к деятельности. Восток принимает мир целиком, как непосредственно данное; напротив, запад стремится упорядочить данность, выделить в ней «главное» направление, последовательность результатов. Точно так же, субъект деятельности воспринимается по-разному: на востоке — самопостижение, на западе — самосозидание. С одной стороны — агрессивная утилитарность запада, завоевавшая весь мир; с другой — самодовлеющий восток, с его стремлением остановить время. Отсюда метафизика восточной философии — и позитивизм западной; мир как явление — и мир как игра слов; субъективизм (прагматизм, волюнтаризм) запада — объективизм (абсолютизм, парадигмальность) востока. Страсть к упорядочению (тесно связанная с сериальностью речи) естественно приводит на западе к неумеренной рациональности, опоре на формальное знание; восточному человеку роднее логика искусства. Но и внутри науки или искусства — те же предпочтения. Западное искусство формально — восточное созерцательно; западная наука — число, восточная — наглядный образ. Соответственно, философия познания на западе превращается в эпистемологию (конструирование знания), тогда как восток остается верен гносеологии.

Западная психологическая наука сплошь «когнитивна» ($S \Rightarrow R$), она интересуется главным образом результативностью поведения (R), и теоретические различия связаны лишь с деталями интерпретации формальных схем. Психология «по-восточному» идет от внутреннего состояния субъекта и пытается понять, чем это состояние вызвано ($C \Rightarrow S$, аффективность). Противоположность закона и порыва, стандарта и оригинальности. Как всегда, все тут же превращается в свое наоборот: закон предполагает преступления, единообразие — разгул стихии; обратно, слепое творчество общается все с теми же граблями, а самообожание делает человека игрушкой манипуляторов.

Разумеется, это крайности. Личность в полном смысле слова должна и являться, и заявлять о себе. И представлять себе, и представлять собой. Любой перекокс, любое ущемление одной из ветвей приводит нарушению целостности, к неполноценности. И столь же неполноценной будет наука, принимающая неполноценную личность за эталон. В чем синтез? Очевидно, не в рефлексии. Только изменение способа бытия, общественно-экономического устройства, может дать толчок снятию противоположности культурных и личностных типов и преодолеть методологический хаос в психологии.

* * *

Внутренний мир проявляется только в общении. Когда мы общаемся с людьми — мы видим их субъективность. Общаясь по-человечески с животными, мы делаем субъектами их. Животное становится субъектом как часть субъекта, его «неорганическое» тело. Была когда-то японская песня: «Разговор с собственным мизинцем»...

* * *

Я не исключаю, что в будущем мы столкнемся с физическими явлениями нового типа, для которых сейчас нет понятий. Но придумывать теории *ad hoc* только для того, чтобы свести

психику к чисто физическому процессу — это маразм. Наука различное признает различным, а для признания чего-то одинаковым нужны серьезные основания. Если вы утверждаете, что психика связана с какими-то новыми видами физических взаимодействий в мозгу — будьте добры продемонстрировать их без мозга, и тогда эти взаимодействия станут собственно физическими, то есть, их сможет изучать наука физика безотносительно к психологии.

* * *

Допустим, вы умеете двигать предметы мысленным напрягом, вмешиваться в физические процессы без малейшего физического усилия. Но какой в этом смысл, если об этом никто не узнает и не сможет перенять? Если ваши загадочные способности проявляются только наедине с собой, без свидетелей, — их реальность остается вопросом веры, личной убежденности, но никак не фактом культурного бытия. Вне общества нет ничего, что позволило бы отличить сны, бредовые видения, иллюзии, фантазии от свершившегося наяву. Что бы вы ни утверждали, это не имеет значения; ответственно утверждать может только коллектив. И то не всякий.

Непосредственное психическое воздействие на движение материи — скорее всего, сказка. Психика не особый мир, это всего лишь надстройка над обычной физической реальностью, коллективный эффект высокого уровня. Легенды о телепатии, телепортации, левитации и прочих чудесах могут, в принципе, происходить из каких-то живых наблюдений; однако чаще всего эта вера питается иллюзиями, если не откровенной ложью, и это затрудняет поиск настоящих прототипов — дополнительных корреляций в сложных физических системах, которые, в принципе, можно воспроизвести при определенных условиях. В любом случае, речь идет не о воздействии психики на материю, а об отражении в человеческом сознании физического опосредования физических связей, о самовосприятии — которое всегда вторично по отношению к действию. Человек не ощущает собственной психики — он только догадывается о ней по оставленным в природе и обществе знакам. Сначала действие — потом мысль, которая неизбежно представлена и на физическом уровне, что позволяет при случае думать и о собственной мысли.

Сие нисколько не означает, что рассказы о всяческих «экстрасенсорностях» не могут иметь достойного места в культуре. Если что-то не наука — оно вовсе не обязательно плохо. Возможно, человеку нужно верить в сверхъестественное, чтобы отделить себя от природы, чтобы действовать в ней неприродным образом. Иллюзии и фантазии расцветивают духовный мир; они готовят человека к познанию.

* * *

Животное не переживает. Оно либо не замечает — либо реагирует. Например, если больно — оно пытается как-то унять боль; если не получается — впадает в депрессию или агрессию. Но боль прошла — и ее для животного уже нет; если и остается память — то лишь о вторичных моментах, о том, кто и что помогало или усиливало боль; так животное выстраивает отношения с миром. По той же схеме — страх, голод, половое влечение.

Человек иногда ведет себя подобно животному. И на этом основаны некоторые приемы психотерапии (особенно, религиозного толка): доведите себя до внутренней пустоты — и вы избавитесь от страстей; это ли не счастье?

Однако человек в истинном смысле слова, человек как разумное существо, справляется с трудностями иначе. Не вытесняет их из жизни и памяти — а наоборот, стремится осознать и преодолеть. В этом исходная мысль психоанализа. Ошибка фрейдизма — биологизаторство, непонимание того простого обстоятельства, что личность не внутри единичного организма, а вне него — это всегда коллективный эффект. Попытки лечить только душу — калечат дух. Настоящее лечение невроза — это лечение общества, ликвидация общественных условий для возникновения психических барьеров.

Отсюда ясно: реальное терапевтическое воздействие оказывает лишь общественно полезный труд. Полезный не в буржуазно-утилитарном смысле, а в плане всеобщности, направленности на преобразование мира, обустройство его в соответствии с человеческими потребностями. Такой труд может быть непризнанным — но приносить глубокое внутреннее удовлетворение, способное снять любую боль. Снятие понимается здесь в философском, гегелевском смысле. Это не устранение, не вытеснение, не смягчение или привыкание. Все остается навсегда — как неотъемлемая часть человеческой индивидуальности. Даже то, что ушло, продолжается в нас, влияет на наше поведение и подсказывает будущее. Вот это и есть переживание — уникальная человеческая способность.

Разумеется, переживать можно не только боль. То, что у животного вспыхивает на мгновение и угасает при удалении источника, — у человека продолжается всегда. В наиболее полной мере эту внутреннюю вечность выражает любовь.

* * *

Психология — слово бесконечнозначное. Как, впрочем, и все слова. Это и нечто объективно присущее человеку, и наши представления об этом нечто, и способы заставить его работать, производить культурные явления. Психология вообще — и психология единичности (хотя бы и коллективной). Психология как умение видеть, понимать, направлять (себя или других). Работа органики — и рамки совместного труда. Сложная форма реактивности — и способ перестройки внешней стимуляции, упорядочение отношения к миру.

Приходилось слышать, что психология имеет дело с человеком в целом, во всей его сложности, в переплетении любых его сторон... Поскольку все так или иначе представлено в человеческой психике и оказывает влияние на нее. На этом основании психология норовит наложить лапу на все вообще категории, включая не только деятельность или рефлексию, но также свободу, нравственность, право, бытие и становление, бизнес и любовь...

На том же основании все вообще категории можно запихнуть и в любую другую науку, от абстрактнейшей математики до пошива трусов. Любая человеческая деятельность несет в себе нечто всеобщее, поскольку, во-первых, она развивается в том же самом едином и единственном мире, а во-вторых, разум в этом мире как раз и представляет уровень универсальности, связь всего со всем.

* * *

Поскольку абстракции не умеют существовать сами по себе, науке так или иначе приходится представлять их конкретными действиями конкретных людей. Нет ничего зазорного в том, чтобы описывать психические явления в терминах эротического опыта или обозначать их именами сказочных персонажей. Точно так же, людей можно уподобить и живым организмам, и неживым телам — тем более, что естественные науки во многом сохранили первобытный антропоморфизм, когда мы, наоборот, всю природу меряли по себе. Но как только мы забываем о метафоричности подобных сопоставлений — науке конец. Мы теряем ее предмет, перестаем говорить об одном — и начинаем говорить совсем о другом. В логике это называется подменой тезиса (понятия).

* * *

В принципе, наука должна приносить пользу. Прикладные науки — полезны конкретно. Польза от абстрактных наук — очень абстрактна, однако она непременно где-то присутствует. Когда мы исследуем научными методами тайны человеческой души, у нас в душе не гаснет надежда, что познание тонких механизмов внутренней жизни позволит в конечном итоге эту жизнь сделать хоть чуточку пристойнее. И на душе у каждого и у человечества в целом станет теплей. В каждом психологе тлеет психотерапевт.

Аналогично, естественные науки изучают природу, чтобы научить человечество бороться с недоразвитой естественностью, с косностью и жестокостью природного бытия.

Точно так же, общественные науки пытаются изучать общество, чтобы решительным образом его усовершенствовать, чтобы общее благо оставалось благом каждого и способности каждого не потерялись бы в огромности общественных достижений и задач.

Но жизнь тяжела. Трудности и житейские невзгоды перевешивают перышки мечтаний и надежд — и думается: может, ну его куда-нибудь? Может быть, психологи и не нужны вовсе? У каждого свои проблемы — и каждый их решает сам. Помогать в этом бесполезно. Все равно ничего хорошего не выйдет... И не войдет.

* * *

Даже если подходить к психике с чисто природными мерками, не претендуя на разумность и оставаясь где-то среди сообразительных животных, нельзя сбрасывать со счетов разнообразие возможных представлений, необходимость очень разных наук для всевозможных аспектов активного приспособления. Психология не беднее физики.

Если же еще и попытаться учесть специфически человеческие уровни психики, возникающие, когда приспособление к окружающей среде перерастает в приспособление окружающей среды, какой-то всеобщей психологической наукой никак не обойтись. Сколько разных культур — столько и психологий. Одного психолога в детстве воспитывали так, другого иначе... Вот, каждый по-своему и глядит.

Это правильно. Пусть наука будет пестрой и путается в эклектике. На то она и наука. Дорастем до философии — тогда и о единстве можно поговорить.

* * *

Всякая деятельность (включая общение) предполагает, как минимум, физический уровень — способ передачи взаимодействия от одного тела к другому, — и логический (функциональный) уровень — иерархию продуктов. Одного и то же можно добиваться разными средствами. Но какие-то средства необходимы все равно.

Например, мечты о телепатии. Логически важен результат: сообщение передается без видимых действий, «мгновенно». Технология за этим может стоять разная. Например, если в мозг вживлен компьютер, подключенный к сети, мысленно управляя своим компьютером мы можем «напрямую» передавать информацию (в том числе о собственной душе) другим людям, у которых в мозгу имеются аналогичные устройства. Беспроводной обмен данными — давно уже не новость, но для стороннего наблюдателя может показаться чудом.

Другой вариант — использование иерархических корреляций. Совместная деятельность создает особый контекст, в котором по видимости не связанные друг с другом люди вдруг начинают вести себя очень похоже, как будто успевают договориться за физически невозможное время. Они так устроены, чтобы нужным образом реагировать — а повод приходит извне, подобно тому, как единичный фотон вызывает лавину в фотоумножителе. Способность эта не приходит сама, ее долго и обстоятельно вырабатывает общественно-историческая практика, в которой и образуются сильно коррелированные общности.

Разумеется, не исключены и другие возможности. Мгновение — штука растяжимая, и человек может многое в нем разместить. Однако не может быть и речи о мистической связи одной психики с другой без малейших признаков материальности. Душа с душой разговаривает только при содействии чего-то еще, в разной степени доступного всем.

Точно так же, человек учится «программировать» природу на общественно-полезные отклики, а потом вызывать зрелищные эффекты легким движением руки — или «мысленным» усилием.

Со стороны это будет выглядеть как телепортация, телекинез, магия-волшебство... В конце концов и сами люди начинают поверхностно относиться к легким делам: действительно, многие ли задумываются о физике связи и принципах работы компьютера, привычно бегая по глобальной сети?

* * *

Воплощение воображаемых и желаемых объектов в осязаемые образы, восприятие их как самой что ни на есть реальности, можно было бы назвать *идеопластикой*. Отличие от иллюзий или бреда в знаке: иллюзии в целом нейтральны, бред разрушает деятельность, а идеопластика, наоборот, эффективно организует ее.

Парадокс: с одной стороны, объекта в природе, будто бы, и нет, а с другой — он отчетливо воспринимается и выполняет положенные ему по должности функции. Можно впасть в идеализм и утверждать, что наблюдается — значит, существует. Или с позиций вульгарного материализма объявить восприятие бредовым, болезненным, извращенным. А можно осознать, что восприятие иерархично именно потому, что *иерархично существование*.

Что значит — воспринимается? Есть какие-то взаимоотношения между субъектом и объектом, в структуре которых только и существуют как объект, так и субъект, по отношению к процессу, к акту восприятия. Как только меняется что-то во взаимодействии — это уже другой объект и субъект — или, чаще всего, разные их обращения (в иерархическом смысле). Но восприятие (поскольку оно изначально понятийно) выделяет *только* обращения, но не иерархии в целом. Поэтому объект воспринимается или нет в зависимости от обращения иерархии восприятия (научнообразно — это иерархическая структура установки, а по-простому — привередливость внимания). Например, если воображаемая или внушаемая кровать позволяет человеку хорошо выспаться — он имеет, с функциональной точки зрения, все основания считать ее реально существующей. Но для маньяка с топором, желающего изрубить эту кровать в куски, — ничего нет, только обман. В скобках: здесь корни универсальности языка, позволяющего запросто приспособлять старые слова для того, что раньше было невысказано.

В контексте разумной деятельности (а других контекстов для разумного существа и быть не должно) говорить о существовании чего-либо можно лишь указывая (или же подразумевая) область человеческой практики, о которой идет речь; важно, каким образом включено это самое нечто в нашу повседневность, как оно связано с нашим прошлым и во что превратится в будущем.

Идеопластика — форма человеческой универсальности, способ очень опосредованной замены одних путей удовлетворения потребности другими. Чем дальше человек от животного, тем менее нуждается он в грубом физическом воздействии — на давить на природу, а правильно обустроить мир.

* * *

Органы чувств — вынесенная наружу часть мозга. Но человека давно уже не полагается на простую органику — его восприятие инструментально. А возможно это потому, что мозг его — не просто комочек слизи в единичной черепной коробке, а сообщество многих и многих таких комочков. Люди сообща выносят себе мозги.

* * *

Социальная психология давно уже приучила нас к мысли о том, что сообщества людей могут вести себя подобно отдельным личностям. Остается только сделать последний решительный шаг и признать, что первичной является именно эта, общественная психика, — а индивиды суть проекции чего-то общественного на физиологически ограниченные тела. Поэтому психология

человека начинает не с организма, а с группы — подобно тому, как в языке слова записываются буквами, а не составляются из букв.

В сущности, коллективный субъект мало чем отличается от субъекта персонализированного (персонажа). В любом случае существует материальный носитель, и те его определенности, которые наиболее полно выражают идею целого. Виртуальные личности не менее реальны, чем органически представленные. Именно это, в частности, позволяет людям примерять на себя разные роли — вживаться в других.

* * *

Осмысленность не значит утилитарность. И не всегда осознанность. Но всегда определенность намерения и стремление.

* * *

Любимый прием Выготского при экспериментальном исследовании мышления — создание искусственных препятствий, что тут же приводит к развертыванию внешней (развернутой) деятельности, и остается только наблюдать и делать выводы. Однако Выготский достаточно умен, чтобы не связывать результаты таких экспериментов с мышлением напрямую. Ибо на самом деле преодоление препятствий — требует не мышления, а только интеллекта, которого и у животных навалом.

Чтобы препятствие послужило толчком к развитию именно мышления, оно должно вырасти до *проблемы* — то есть, стать не индивидуальным недоразумением, а общественной задачей. Иначе: мышление развивается там, где люди могут справиться с трудностями только вместе, коллективным трудом.

* * *

Как мы видим мир — это одно; как мы его себе представляем — другое. Но если бы не было одного — как другое могло бы стать другим?

* * *

Знание человеческой души может оказаться полезным в каких-то практических решениях. Однако познаем мы ее не для того. Стоит психологии поставить себе сколь угодно благоую, но утилитарную цель — и она перестанет быть наукой, сойдет на путь манипулирования (в том числе и собой).

* * *

Форма науки неизбежно несет на себе отпечаток ее предмета. Математика примеряет на себя собственные конструкторы, физика жестоко отсекает все «нефизичное», химику свойственно «химичить»... Точно так же, психология должна быть психологичной.

* * *

Люди играют в жизни, люди играют в жизнь. Театр — естественное продолжение и завершение. Когда игра осознается как игра, это создает предпосылки для возвращения к реальной, неигровой деятельности. И все начинается заново...

В науке одно и то же можно представлять по-разному. Например, соотносить какие-то черты характера с основными типами игры. Это не значит, что характер рождается из игры — или игра выражает характер (хотя, безусловно, присутствует и то, и другое). Просто какие-то

явление в сфере самосознания и в мире игр устроены одинаково. Дело науки — выискивать такие параллели и придумывать для них новую оболочку — формальную теорию, выражение единства культуры.

* * *

Носитель знания — не слова и формулы. Знание по-настоящему воплощено лишь в формах человеческой деятельности. Психология — меняет душу психолога.

* * *

Характер не существует сам по себе. Это способ организации деятельности в некотором, относительно устойчивом культурном контексте. В примитивном обществе у человека не так много возможностей проявить себя — ограниченный диапазон допустимых амплуа. Отсюда представление о фундаментальных чертах характера и возможности всех мерить одной меркой. С развитием культуры репертуар стремительно расширяется. В пределе полной разумности — каждый может стать каждым.

Классификация черт характера — занятие бесперспективное. С тем же успехом можно определять операцию, указывая деятельности в которых она (может быть) занята. Ясно, что в итоге придется перечислять *все* деятельности вообще.

А как тогда описывать характер? Точно так же, как мы говорим об иерархиях (а характер, по сути, это и есть иерархия личности) — в каждом конкретном обращении. То есть, надо прежде всего определиться, для чего служит наше описание, какие деятельности мы принимаем в качестве *характерных* для человека в данной ситуации. Далее остается лишь показать, как поведение человека обеспечивает совместность этих деятельностей, субъективно организует их. Сравнение этой иерархии с объективным культурно-историческим соотношением разных деятельностей и дает характеристику человека как личности.

* * *

Отчего «болит голова»? Оттого что две силы (или больше) растаскивают душу в разные стороны. И можно рассматривать «упругость» психики как метод разрешения противоречий:

- 1) Абсолютная жесткость. Движение определяется по равнодействующей — плывем по воле волн, и особо по этому поводу не переживаем.
- 2) Абсолютно гибкость (пластичность) — растекаемся во все стороны, распределяем себя по разным мотивам, покрываем пространство.
- 3) Промежуточные варианты — появление внутренних напряжений (как физике, тензоры), то есть, стресс.

Пластичность с точки зрения иерархий есть умение для любых двух деятельностей найти иерархический уровень, их объединяющий. Границы пластичности — от совместности деятельностей.

Внутренние напряжения психика отрабатывает по-разному:

- а) Переключение с одной деятельности на другую и обратно. С точки зрения механики — быстрые изменения импульса, что психологически проявляется как «вихрь» эмоций.
- б) Душевное усилие, попытка соединить несоединимое. Сильная личность выдержит — но это станет ее внутренней трагедией. При чрезмерных стрессах — разделение психики на две части, раздвоение личности.

Откуда силы? Извне. На свободный «поток сознания» накладываются внешние ограничения. Сосредоточение на одном, когда психика требует разнообразия, или (реже) наоборот.

* * *

Бессовестный человек — это пустая абстракция. С одной стороны, сама идея нравственности (равно как и эстетические принципы, и логика) предполагает видение, оценку и намерение в отношении конкретной жизненной проблемы, а потому совесть как таковая предполагает участие в жизни вполне определенным образом — и теряется в качественно ином окружении. С другой стороны, бессовестность может быть мерой нравственного развития — показателем внутренней честности и внешней открытости. Насколько это приемлемо психологически — решает характер эпохи.

* * *

У высших животных уже есть внутренний мир, и возможно развитие сложных форм психики. Поведение животного может направляться не только внешними обстоятельствами, но и его собственными побуждениями, стремлениями, его настроением и жизненным опытом. Однако у человека помимо этого есть особый уровень внутренней жизни, представляющий в человеке других людей, общество. Единичный субъект — всегда часть коллектива; следовательно, и коллектив представлен в индивиде как его часть. Похожим образом, каждое животное есть представитель вида — и в животном действует вид. Но это единство впаяно в физиологию, оно не вырабатывается в ходе индивидуального развития и не меняется от одного животного к другому. Поскольку человек ведет себя подобным же образом, поскольку он накрепко впаян в свою (пусть даже социальную) среду, он подобен животному. Собственно человеческая психика — это продукт деятельности, человек сам (вос)производит общество в себе, делает себя частью коллектива и его представителем.

Практически это означает, что человек во всяком деле не только добивается желаемого результата, но еще и хочет выглядеть вполне определенным образом в глазах коллектива, в той мере, в которой коллектив представлен в индивидуальной психике. Животное наивно: оно следует порыву, и просто действует, не заботясь, как это выглядит со стороны. Человек же всегда играет, изображает из себя. И эта сторона его деятельности иногда начинает перевешивать ее предметную направленность — а в крайнем своем выражении перерастает в психическую болезнь.

* * *

Две формы психической зависимости: конформизм и экстравагантность. Быть как все — или нарочито иначе. Разум начинается там, где эти противоположности уже не имеют ни малейшего значения, когда каждый действует, как считает нужным, — безотносительно к тому, как это соотносится с действиями других. И оказывается, что личное — лишь особая форма всеобщего, а общественное — форма личной свободы.

* * *

Традиционный мотив народных и литературных сказок — испытание загадками. Например, принцесса (или ее отец) предлагает претендентам на руку и приданое ответить на несколько каверзных вопросов (которые, по некоторым версиям, подсказывает нечистая сила). Если бедолаги заваливают экзамен, их, в лучшем случае, изгоняют с позором — а иной раз извольте на плаху.

Понятно, что любая загадка изначально допускает тысячи одинаково подходящих ответов — и следовательно, речь идет не об интеллекте соискателей, а об их умении угадать, чего от них, собственно, хотят. Иначе говоря, это всего лишь тест на культурную совместимость, которая лежит в основе удачного семейного союза, предотвращает психологические (или финансовые) конфликты. Когда двое воспитывались в сходной культурной среде — ответы на вопросы отвечают ожиданиям вопрошающего. Даже если вопросы не придуманы самостоятельно, а

отгадки подсмотрены и подслушаны, — умение ответить, как минимум, предполагает общих знакомых, косвенное родство душ.

Анкеты и тесты в профессиональных брачных агентствах рубят идею на корню: они сводят процедуру к чистой формальности, ибо и вопросы, и трактовка ответов не имеют отношения к личностям клиентов, не вытекают из строения их внутреннего мира.

* * *

То, что человек в любом разговоре больше прислушивается к себе, — это нормально и необходимо на теперешнем уровне развития, когда людям важно утвердиться в собственной способности рефлексии. Время от времени мы вспоминаем о собеседнике и принимаем к сведению его слова — но только для того, чтобы тут же перекроить их на свой лад, привести в соответствие с внутренними позывами. Философия (= материализм) нужна человеку для того, чтобы не забывать о внешнем мире — и о других людях, — чтобы воспитывать в себе не только убежденность, но и готовность пересмотреть свои убеждения (но не отказаться от них!) там, где обнаруживается их оторванность от действительности, неуместность, нелогичность и неэтичность.

Современному человеку трудно быть сразу в себе и в другом — быть и собой, и миром. Когда-нибудь сложится иерархическое, рефлексивное внимание, и мы сможем чувствовать позицию собеседника как свою, быть с ним вместе, в одном мире, без культурных и психологических барьеров. Другие — не трансцендентное нечто, а существенная часть нашего бытия, и мы точно так же открываемся им. Вероятно, это и есть любовь.

* * *

Люди говорят одно, а имеют в виду другое... Не потому, что пытаются ввести кого-то в заблуждение. Они просто не умеют приводить мысли в порядок, выстроить нечто многомерное в один ряд. Хватаются за первое попавшееся — и пытаются делать общие выводы там, где не мешало бы молча понаблюдать.

* * *

Сказка требует определенного психологического темпа: ей нельзя спешить, она вырастает, как кристалл, или коралл... Но внутренний темп не успевает за навязанной извне гонкой. И сказка либо умирает — либо вырождается в комикс.

Современных детей отучают от сказок, чтобы они не захотели сделать сказочной жизнь.

* * *

«Сам дурак!» — это не ответ, а психологическая манипуляция, отвлечение внимания, подмена одного вопроса другим. Даже если оппонент действительно дурак — это никоим образом не означает, что я умный.

Впрочем, в определенных общественных условиях ум как раз и есть умение манипулировать людьми... Но тогда это отнюдь не высшая ценность.

* * *

«Подчеркнуто творческий» — значит, не творческий...

Когда целью становится творчество само по себе, а не то, что творят, ничего особенного не сотворится. Имитация, кривляние, показуха...

Одно дело — наелся, другое — объелся. Разные слова, разные дела.

* * *

Из одной популярщины в другую кочует предрассудок: прошлое видится в радужном свете, горести забываются, остается только хорошее... Мы тешим себя иллюзиями, глушим совесть ложью.

Но даже звери избегают того, что причинило боль, — это впечатывается намертво и сразу. Когда людей призывают раз за разом наступать на те же грабли — какими же тупыми скотами хотят их оставить?

Как обычно, животное представление о людях подсказывает услужливые «теории»: дескать, в минуты радости по нервной системе разливается эдакое возбуждение — и кажется, что время течет быстрее... Соответственно, в беде часы тянутся без конца. По этой «науке», нервное возбуждение в мозгу, вроде бы, лучше способствует долгой памяти — за счет более активной перестройки синапсов.

На самом же деле, память отступает на задний план, пока у человека есть будущее. Вместо воспоминаний — жизнь. А когда больше некуда идти — приходится топтаться на месте, идти по собственным следам... И не только от нас зависит, что вспомнится в первую очередь.

* * *

Детская игра — вращение в жизнь; взрослые игры — уход от жизни.

Игры детей как своего рода преднастройка, подготовка к деятельности — это общее место. Точно так же, искусство — исходный пункт творчества, рефлексии. Но, конечно, было бы глупо объявлять игру ведущей деятельностью: у детей предостаточно других занятий; более того, главное для них — не в игре, и они сами это остро переживают. Взрослые не признают серьезности детства, для них дети не полноправные партнеры — а нечто низшее, незрелое. Потом оправдываются мифами о безоблачном счастье ранних лет... Игра бросается в глаза, когда взрослые не видят остального — или запрещают его.

У детей — игры без правил, они развиваются спонтанно — как жизнь. Даже традиционные детские забавы лишь отчасти подобны играм прежних поколений: каждый ребенок использует эту оболочку для построения своего, особенного мира. Заставляя детей играть по правилам, мы выводим их из детства.

Игры взрослых — сродни науке: это условность, искусственность, формальность. Такие игры тоже полезны: без науки в обществе шагу не ступить. Выводя себя за рамки действительности, мы как бы даем себе маленькую передышку, чтобы психологическое движение успевало за сумятицей судеб.

* * *

Буржуазное общество — сплошная лихорадка: нас заставляют все время бежать, успевать, чего-то добиваться... Первейшее человеческое умение в такой ситуации — остановиться, отказаться от бега. Не тупое «недеяние» — а сознательный протест: лучше умереть, чем пойти против разума. Только так человек может потребовать человеческого отношения к себе, поступить по-человечески — а не как животное или вещь. Но одними забастовками революции не делаются.

* * *

Детское словотворчество — это именно творчество, способ освоения мира. Для взрослых — забава, хохма, извращение... Например, ребенок всерьез воспринимает слова из известной мультяшной песенки как «карты-вруки» — то есть, карты, которые врут. Взрослые называют такие упражнения остроумием.

А суть в том, чтобы удержаться на тонкой грани между незрелостью детского и шаблонностью взрослого восприятия.

* * *

Чрезмерное упорство — это болезнь. Неумение отказаться. В том числе от себя.

Люди придумывают себе психологические укрытия. Пытаются спрятаться за словами о долге, совести, преданности, о насилии судьбы...

Формально речь идет о затрудненности обращения внутренних иерархий. Которое, конечно же, связано с неблагоприятными внешними условиями — но отнюдь не всецело определено ими.

* * *

Человек бесконечен. Как ему собрать себя? Пытаться — вся жизнь пройдет. Да и нужно ли непременно метаться от одной крайности к другой?

А иногда кажется, что можно кого-то узнать...

* * *

Никогда не было единой на всех психологии — как не существовало единого языка. Как и всякая наука, психология говорит лишь об особенностях. Всеобщее начинается там, где мы от особенного переходим к единичности.

* * *

Человеческое восприятие — не самосушая абстракция, это не явление, а способность. Законы восприятия существуют лишь в контексте некоторой деятельности: если одна деятельность похожа на другую, нечто общее найдется и в восприятии. Например, телевидение в старые времена давало связную последовательность картинок, с логичными переходами от одной к другой, изредка с телетекстом... В этих условиях восприятие остается в рамках классической механики, когда всякая идея (образ, мысль, намерение) движется относительно самостоятельно, и можно говорить о влиянии идей друг на друга, о равнодействующей сил, а в итоге — механика мотивации. Современное телевидение — это клип, мелькание разнородных картинок, картинка в картинке, масса наложенных текстов и знаков; все это бежит по экрану диким образом, и видеодизайнеры соревнуются друг с другом в умении сделать это действие совершенно непредсказуемым. В результате, человеку уже нет смысла отслеживать какие-то линии: он вынужден схватывать изображение целиком, а поскольку это физиологически невозможно — восприятие превращается в комбинацию фрагментов, и движение от одной комбинации к другой. Вместо классической механики — квантовая картина, и от мотивации остается лишь общая тенденция, глобальная структура мешанины позывов. Эволюцию в этом направлении легко проследить в тысячелетней истории изобразительного искусства.

Хорошо это или плохо? Кому как. Природный материал человека допускает разное. Кто успел перестроить психику — чувствует себя как рыба в воде. Людям старого склада — тяжело. Важно, чтобы один способ восприятия не вытеснял другие, а становился их логичным дополнением — обогащал разум, а не подавлял его. В капиталистическом обществе развитие превращается в конкуренцию, и все люди — враги.

* * *

То, что в книжках по «нейронаукам» называют эмоциями, — не имеет к эмоциям ни малейшего отношения. Неправильное имя призвано замазать отличие человека (в смысле: раба) от животных — в угоду власти предрержащим (которые только себя могут считать людьми).

Живешь как скотина? — а ты и есть скотина! И не положено тебе человеческих чувств — а только чувство голода и убежание от боли.

Правильно такие явления следовало бы называть оценкой важности, ранжированием сигнала. У людей (поскольку они имеют органические тела) оно тоже есть; но животное ранжирует по животным критериям, человек — по человеческим. А у человека сверх того возникают еще и эмоции, и у разных людей они могут быть разными (вплоть до противоположности) при той же оценке важности.

Простая аналогия: в музыке есть физические звучания разной высоты, есть объективные шкалы восприятия нот и их сочетаний во времени или в пространстве, — но это никак не связано с эмоциональным переживанием от музыки (классический пример: скорбный лидийский лад по звуковому составу полностью совпадает с веселеньким до мажором).

* * *

У мозга нет потребностей. У животного — лишь ощущения и (физиологические) реакции. Собственно потребности у животного существуют вне организма: это, скорее, потребности рода. Потребности как внутренняя необходимость есть только у разумного существа — которое изначально представляет собой общественное явление.

* * *

Развитие психики у животных — необходимая предпосылка сознания. Но психика — это всегда животное. Разумная деятельность использует функциональную иерархичность животного поведения точно так же, как психика опирается на физиологию нервной системы — но не сводится к ней.

Психология человека изучает его движения его души — природную основу разума, в отличие от собственно разумности. В этом плане психология — раздел естествознания, а не наука об обществе. Сознание и самосознание — это уже выход за рамки психического. Но чтобы оставаться наукой о человеке, психология прежде всего должна интересоваться влиянием сознательности и разумности на психику, психологическим различием человека и животных. Это важно, ибо позволяет практически решать вопрос о том, когда поведение может считаться разумным, а в чем оно до разумности не дотягивает. Другими словами, человек как разумное существо влияет на животное в себе, очеловечивает себя.

Точно так же, человек неизбежно очеловечивает животных.

* * *

Ребенку необходимо внимание взрослых. Но в меру. Неадекватные реакции, восторги и тепличная отзывчивость — а в итоге эгоцентризм, завышенные требования. Поменьше бы прыгали вокруг — ребенок раньше бы учился думать, а не только говорить. Лекарство? Уничтожение семейственности, изначально общественное воспитание.

* * *

Сон как механизм развития психики — аналогично внутренней речи. У человека во сне мышление дозревает. Долго без сна — вырождение в бред, тупость.

* * *

Притяжение и отталкивание: в физике, присутствие массивного или заряженного тела поляризует среду, делает ее существенно неоднородной, выстраивает в отношении к центру... И накладывает отпечаток на взаимодействие других тел между собой — даже если они очень

далеко. То же самое в психологии: по отношению к каждому члену группы развертывается иерархия поведенческих влияний, и эта неоднородность сказывается на взаимоотношениях всех остальных — даже там, где они вообще не вспоминают об общих знакомых. Обратное влияние — отношение группы в целом к каждому из ее членов. Как и в физике, частица, взаимодействуя с другими, меняется сама. Вбирает в себя свой мир.

* * *

Умение говорить — это важно. Включая письменную речь и невербальные средства. Дело вовсе не в глубине взаимопонимания или эффективности совместного труда. Разумному существу свойственна осмысленность поведения — всегда, на любых уровнях. А значит, надо обращать внимание на язык, культивировать его сознательное употребление.

Массовая культура ужасающе безграмотна. Ее язык — дикая стихия. Но многие получают прекрасное образование, обладают широчайшими познаниями в разных областях, — а говорят и пишут как попало, коряво, с глупейшими ошибками... Дело, разумеется, не в формальной правильности — которая тоже может быть неуместна и уродлива. Однако небрежность в речи выдает недоразвитость духа — становится индикатором психологической ущербности.

Глупо перевоспитывать тех, кто уже увяз в житейском болоте. Их надо сначала вытащить на свет, подсушить, выветрить смрад. Делается это грубыми физическими методами, изменением среды, образа жизни. Только тогда психологические подсказки могут стать востребованными. В частности, своего рода лингвистическая терапия — приобщение к культуре речи.

* * *

Складывается впечатление, что развитие технологий призвано в конечном итоге коренным образом изменить человеческую психологию. Психика человека складывалась при переходе от первобытности к цивилизации в условиях, когда всякое производство неизбежно приобретало массовый характер — превращалось в обычай, практику, даже где-то ритуал... Таким же было и человеческое общение. В последние десятилетия человек получает возможность многое делать индивидуально — лишь косвенным образом взаимодействуя с другими, через продукты их труда. Однако сохранившаяся ориентация на прямой контакт для многих все еще делает невыносимой мысль об одиночестве, об изоляции от тесной группы, о виртуальном общении. Отсюда суррогатные виды телесного контакта, эффективно снижающие уровень духовности.

Объективный процесс не остановить. Все обширнее будут косвенные связи, во многом не зависящие от биологического тела. Вплоть до полного устранения биологических составляющих из личности. Даже размножение сегодня практически не зависит от тела — что уже говорить об остальных физиологических отправлениях! Да, интернет и социальные сети пока лишь карикатура на подлинно человеческое общение (поскольку это выгодно правящему классу). Но принципиальная возможность виртуализации вполне наглядна. Люди привыкнут к одиночеству, будут считать его нормальным состоянием — и это неизбежно скажется на движении психики, постепенно вытесняя из него нарочитую публичность.

* * *

Когда Спиноза [*Этика*, ч. III, схолия к т. 52] определяет разные аффекты (оцепенение, почтение, ужас, зависть, преданность, беззаботность...) через поглощение внимания, он прав лишь отчасти. Внимание участвует во всех этих «аффектах» — но далеко не везде является определяющим; более того, именно единство основы требует тонких различий, выяснения того, что этой основе самой по себе не свойственно.

Все в человеке взаимосвязано. Однако не основание чтобы все выводить из одного или сводить к одному — или к абстрактной противоположности.

* * *

Упреки психологам (и лингвистам), рассуждающим об отличии человеческого (сознательного) поведения от животных: они, дескать, не провели сами ни одного эксперимента и не знают толком об этологии, — а зверушки на все способны!

Точно так же, ученые склонны презирать философов за то, что те рассуждают об «их» предметной области, ничего заметного не оставляя в науке.

Путаница. Как раз от незнания азов философии.

Во-первых, ученые не вправе претендовать на монополию в изучении чего бы то ни было. То же самое отражается и в других формах (в быту, в искусстве, в философии) — и все они одинаково важны для познания: без любой из них знание останется однобоким. Поскольку философия говорит о единстве мира, она говорит обо всем в мире, и предмет любой науки автоматически оказывается предметом философии. Поскольку искусство способно любую вещь сделать образом другой вещи — все что угодно может оказаться в поле его внимания.

Во-вторых, вовсе не обязательно все делать самому. Натуральное хозяйство в рефлексии еще менее возможно, чем в материальном производстве. Чем «натуральнее» — тем примитивнее. Никакая наука не могла бы развиваться, не используя достижений других наук. Используя компьютер, мы вовсе не собираемся повторять все, что предшествовало его созданию, или заново писать все программы. Точно так же, рассуждая о поведении животных, не нужно быть профессиональным биологом — достаточно знать о результатах чужих исследований. Более того, интерпретировать эти результаты (придать им смысл) возможно только выходя за рамки собственно этологии — иначе все это останется грудой мертвых фактов.

Наконец, большинство людей по жизни имели дело с какими-то животными — иногда в личном общении, иногда через видео, или просто по впечатлениям других людей. Это уже дает немало материала для обдумывания — и рассуждения философов (или психологов) не лишены эмпирического основания. Несистематизированные наблюдения могут оказаться даже более ценными — поскольку они не связаны ходячими научными предрассудками. Аналогично, философ имеет право рассуждать, например, о физике — поскольку он живет в физическом мире и у него есть немалый опыт практического взаимодействия с этим миром.

Для человеческого творчества (и деятельности вообще) важна коллективность. Чем больше людей причастны к чему-то — тем оно разумнее. В конечном счете, каждое открытие аккумулирует опыт всего человечества. Точно так же, как любое производство использует подытоживает всю человеческую историю — независимо от того, кто окажется непосредственным исполнителем.

* * *

Нет психологии одной на всех — есть своя психология для каждого. Это у животных все одинаково. А собственно человеческая психология начинается там, где различия важнее сходства.

Говорят: тогда невозможна никакая наука...

А может быть, знание о человеке и не нуждается ни в какой из наук?

* * *

В учебниках и популярных книжках мелькает призыв повышать уровень самооценки. Тогда, дескать, не будет никаких депрессий и трудные жизненные ситуации человек будет разруливать с честью, не отвлекаясь на разрушительные сомнения... Отсюда методы психотерапии, отсюда принципы педагогики. Разумеется, уверенность в себе не должна перерасти в самоуверенность — тут все согласны. Однако лично я не взялся бы проводить

грань: что одному кажется перебором — до чего-то другого все же не дотягивает. Как-то все это смахивает на производство счастливых идиотов (против чего ехидствовал Вольтер).

Оценивать себя мы можем только на фоне других. Высокая оценка одного — неизбежно оборачивается недооценкой другого. Спрашивается: а зачем весь этот базар? Для чего упорядочивать людей по абстрактному количеству? Включая упорядочение самого себя.

Самооценка — понятие буржуазное, рыночное. Свободному человеку и в голову не придет кого-то оценивать — или принимать всерьез оценки со стороны. А, вот, когда от оценок зависит наше благосостояние — тут разгул всевозможным манипуляторам, и никакая терапия не спасет.

* * *

Чтобы изучать человеческую психику — полезно иметь представление, о возможных материальных реализациях. Разумеется, личность не помещается ни в какой организм — даже с учетом неорганических расширений. Дух способен воплощаться разными способами — как шить одежду можно из разных материалов и на разный фасон. Но это все-таки материалы — которые нельзя соединять абы как: логично использовать природные связи, а не ломить поперек во что бы то ни стало. Поэтому изучение физиологии вида *homo* — занятие очень даже достойное. В частности, разбираться в строении мозга и его взаимодействиях с прочими органами, — чтобы при случае все это подправить, или переделать. Главное не забывать, что это биология, а не психика — и уж тем более не социальное поведение. Организм движется по природным законам — но в неприродных рамках, и эти границы существенно меняют характер движения, вплоть до изменения прежней, некультуренной природы.

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.narod.ru>